

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ГЕРБА МОСКВЫ (15 июня 1464 – 15 июня 2014)

Исследование Р. Романова, И. Шашковой

После кончины Великого князя Белой Руси Василия «Темного» его сын Иван Васильевич (Иван 111) привлек для строительства в Юрьев Польском, Владимире и Москве белорусского зодчего Василия Ермолина, артель которого с 1462 по 1464 г. возводила каменные стены от Боровицкой до Свибловой башни, Фроловские ворота, обновляла стены в Вознесенском монастыре (времен Софьи Витовтовны - см. ниже), а «...месяца июня 15 поставлен бысть великия мученик Георгий на воротах Фроловских резан на камени, а нарядом Васелевым Дмитриева сына Ермолина» - свидетельствует «Ермолинская летопись». После того, как царь Алексей Михайлович торжественно встречал у парадного въезда в Кремль икону Спаса из Вятки, эту башню стали именовать Спасской. Но столетием ранее (в 1464 г.) здесь высоко почитали Фрола - небесного покровителя лошадей, необходимых пахарям, воинам. Появление тогда над Фроловскими воротами белокаменного образа Св. Георгия - покровителя землепашцев (а затем и воинов), вероятно, сопровождалось ликованием горожан. В 1964 г. москвичи должны были бы вспомнить о 500-летнем юбилее Ермолинского изображения Герба столицы, но «Энциклопедия Москвы»(1980), не упомянув об этом событии «иносказательно» повествует: «Древнейшей эмблемой Москвы было изображение всадника, поражающего копьем дракона... Впоследствии всадник ассоциировался с Георгием Победоносцем. В 1730 г. эта эмблема официально утверждена как Московский Герб (вторично в 1781)».

Почему «ВТОРИЧНО в 1781» утверждался Герб Москвы? Многое проясняет полузабытый сборник А. Ратшина, «О всех бывших... церквях в России» (опубликованный в 1852 г.): «В пределе к Собору над гробницей св. Феогносту есть древний барельеф средних веков – изваяние из белого камня – вооруженный всадник на коне, поражающий копьем крылатого дракона с

латинской надписью, из которой видно, что изображение сие было на триумфальных воротах, поставленных Сенатом и народом Римским императору Константину Великому по освобождению им церкви христианской от гонений язычников. Изображение это, известное под именем св. Георгия Победоносца, некоторые почитают более за аллегорическое, где представлен сам император Константин в виде современного ему великомученика Георгия. Оно привезено сюда из Рима, но когда именно, сведений нет и, к сожалению, в 1746 г. замазано довольно густо разными красками так, что надпись и без того от древности почти изгладившуюся, с трудом можно разобрать...»-

Почему замазали разными красками в 1746 г. изображение, «известное под именем Георгия Победоносца» над прахом митрополита Феогноста в Кремлевском Успенском соборе? Этот (существующий сегодня) древнейший Московский собор, возводили с 1474 по 1479 г. над «разобранной по тесноте и ветхости» первой каменной церковью Кремля, в которой был похоронен митрополит Феогност. Барельеф над его прахом «с латинской надписью» появился после того, как Ватикан «обратил взор на Великого князя Иоанна по совету, может быть, славного кардинала Виссариона: сей ученый грек издавна знал единовенную Москву... в особенности по Флорентийскому собору (1438 – 1439гг.), где митрополит наш Исидор представлял столь важное лицо в церковных прениях. Вследствие сего намерения кардинал Виссарион, в качестве нашего единове́рца отправил грека Юрия (в 1469г.) с письмом к Великому князю, предлагая ему руку Софьи...» - Через 3 года «25 мая 1672 г. послы Иоанновы были введены в тайный совет папский, вручили Сиксту великокняжескую, писанную на русском языке грамоту с золотой печатью. В грамоте было сказано единственно так: **«Сиксту, первосвятителю римскому, Иоанн, великий князь Белой Руси кланяется и просит верить его послам».**- Эти сведения («История государства Российского» Н.М. Карамзина) свидетельствуют о доброжелательных отношениях Москвы и Рима со времен объединительного собора христиан и в период обручения Великого князя Иоанна с Софьей Палеолог. С Софьей, вероятно, и был отправлен из Рима в Москву уникальный барельеф, также повествовавший о доброжелательных отношениях православных

христиан с католиками, пребывая над прахом Св. Феогноста в Успенском соборе до 1746 г.

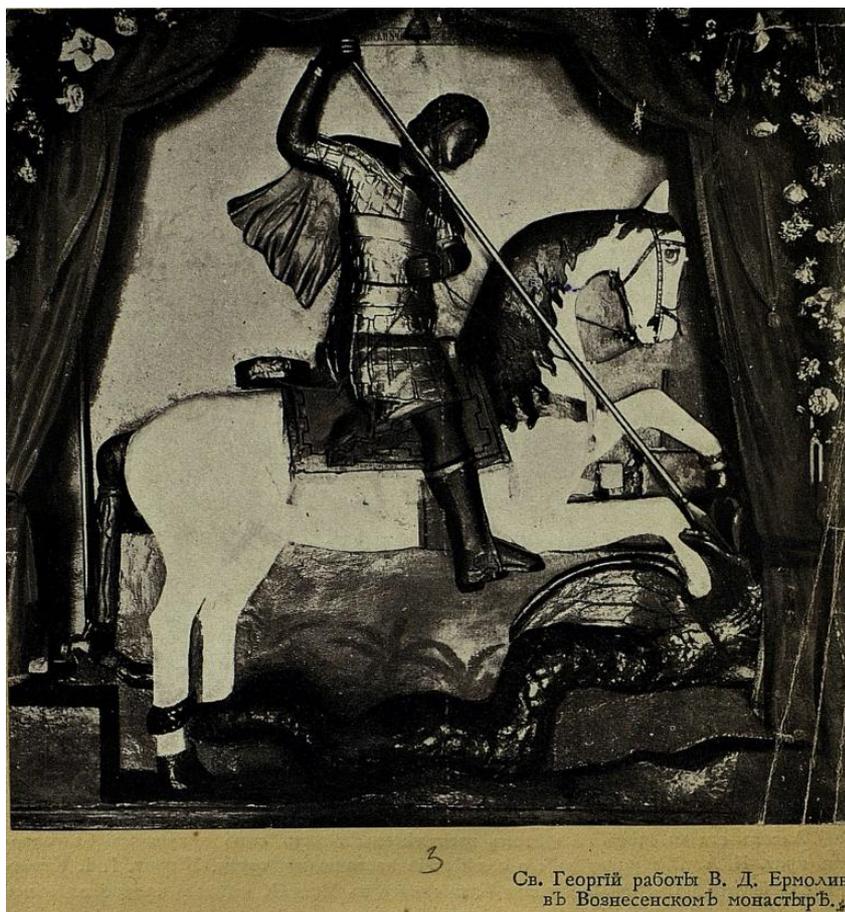
В том же 1746 г. скончалась Анна Леопольдовна, сосланная на север регентша и мать младенца - императора Ивана Антоновича, который «царствовал» с двухмесячного возраста «всего один год и 16 дней» (с 1740 по 1741 г.) Но этому «монарху-младенцу» М.В. Ломоносов (1711-1765) успел посвятить одну из первых своих од:

«Породы царской ветвь прекрасна
Моя надежда, радость, свет,
Счастливых дней аврора ясна
Монарх, младенец райский цвет...»

Казалось бы, появление «монарха-младенца» в одиночной камере Шлиссельбургской крепости (по воле усадившей его туда императрицы Елизаветы Петровны), должно было мгновенно отразиться на судьбе автора этой оды. Но неожиданно Елизавета Петровна (подобно своему отцу - Петру Великому уделявшая внимание Российской науке), издала в 1742 г. Указ о назначении молодого Ломоносова профессором Академии наук. После такого возвышения Михаил Васильевич должен был поучаствовать в дебатах о судьбе инородного барельефа «с латинской надписью»; на это указывает и его письмо (И.И. Шувалову в 1745 г.) «Об учреждении Московского университета», где предлагался «профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время». С 1763 г. Ломоносов (историк, поэт, художник...), став членом Академии художеств, должен был участвовать в обсуждениях изображения Герба столицы и Георгиевского Креста (этот орден, утвержден в 1769 г.). На затянувшееся до 1781 г. «вторичное» утверждение (уже Екатериной) эмблемы Московского Герба, вероятно, повлияло ее (известное по «Запискам Екатерины Второй») негативное мнение о Москве и москвичах: «Я вовсе не люблю Москвы. Москва – столица безделья... На каждом шагу попы, монастыри, богомольцы, нищие, воры, ..бесполезные слуги в домах... И вот такой сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмущается по малейшему поводу...». Более полный

текст ее мнения из этих «Записок...» приведен в научном издании «История планировки и застройки Москвы» (М, 1954, с. 54), где есть, например, «План прожектированный Москвы» (1775), на котором вместо Герба Москвы изображена какая-то мощная птица, а над «Планом города столичного Москвы» (1789) вверху уже что-то близкое к Гербу столицы, но еще без «Всадника...».

Приведенный выше фрагмент публикации Ратшина, проливший свет на замазанный разными красками «латинский» аналог эмблемы Москвы, вероятно, обусловил мгновенную «утрату» бесценного дара Ватикана. Тогда в 1852 г. Ратшин привлек внимание и к эффектно обновленным Ермолиным стенам церкви Вознесенского монастыря времен Софьи Витовтовны, (освященной митрополитом Филиппом в 1467 г.). «Тут в трапезе, в нарочно устроенной нише, стоит древнее раскрашенное изваяние – горельеф из белого камня вышиной 3 аршина – Св. Георгий Победоносец на коне в полный рост. Оно прежде стояло на башне Фроловских ворот, потом, при Великом князе Иоанне Третьем, было устроено для него подле ворот открытое возвышенное место, а в 1529 г. изображение сие огорожено стенами по повелению Великого князя Василия Ивановича, устроена особая церковь во имя Св. Георгия с приделом Дмитрия Солунского, она была упразднена в начале 19 века». Эти сведения Ратшина (середины 19 в) дополнил в 1914 г. редактор сборника «Старая Москва» Н. Соболев, указав на пребывание Ермолинского Георгия над Фроловскими воротами только до 1491 г. Их пришлось демонтировать, когда итальянские зодчие Соларио и Алевиз, расширяя территорию Кремля, «...заложили две стрельницы, едину у Фроловских ворот, а другую у Никольских не по старой основе, да и стену до Неглимны...». После демонтажа ворот скульптура Ермолинского Св. Георгия оказалась в Кремлевском Вознесенском монастыре, «где для него построили церковку во имя Св. Георгия. В 1634 г. Государь Михаил Федорович приказал построить в обители церковь во имя Св. Михаила Молеина и в ней нашел себе место барельеф работы Ермолина. Там до сего времени под невозможно яркой окраской сохраняется белокаменная скульптура нашего средневековья. (фото 1)

Почти не сохранилось в настоящее время в Москве работ Ермолина, едва ли не первого известного теперь археолога реставратора ... Если память о нем, как об опытном русском зодчем основательно забыта, то в русской истории имя его останется навеки» - полагал редактор сборника «Старая Москва» Н.Н. Соболев, утверждавший: «Изображение Св. Георгия – единственная точно датированная русская скульптура 15 века до сего времени занимает место в полутемном углу Михайловской церкви Вознесенского монастыря в Кремле... Едва ли не единственной яркой фигурой доитальянского строительства на Москве является русский зодчий Василий Дмитриевич Ермаин, имя которого мало знакомо нашей публике. В специальных трудах, касающихся вопросов по русской архитектуре, оно пока еще не встречалось. Даже в издающемся в настоящее время многотомном труде г-на Грабаря, где уделяются целые выпуски приезжим иностранцам, ни слова не обмолвились об этом строителе. Самобытная фигура этого русского зодчего, бывшего старостой артели каменного дела, сильно выступает из среды современников».

«Относительно Ермолина, думается, что он был не только заведующим строительными работами, но, в значительной степени и

зодчим. Происходя из Белоруссии, где на каменном деле он мог познакомиться и с техникой, и с приемами зарубежной архитектуры, Ермолин успешно в Москве подготовил целую группу мастеров...», - уточнял Н.Н. Соболева искусствовед В.С. Снегирев, обращая внимание на «белорусскую» школу творчества Василия Ермолина.

«К середине 15 в. относится деятельность В.Д. Ермолина. Происходя из Белоруссии, он поддерживал с нею отношения. Отсюда возможно ожидать каких-либо элементов пришлого зодчества...» - дополнял Снегирева известный искусствовед, проф. А.И. Некрасов

Успешную деятельность Василия Дмитриевича Ермолина отмечали Даль, Забелин, Кондаков, Толстой, Воронин и др. Проф. Прилуцкий утверждал, что «со времен Едигея до Ивана 111 в Москве не было построено ни одного значительного здания». А по сведениям Н.М. Карамзина («История государства Российского) – «возвратившись из татарского плена 17 ноября 1445г. , великий князь Василий Васильевич в Москве вместо улиц и зданий видел пустыри, сам не имел дворца и жил несколько времени за городом в доме своей матери (Софьи Витовтовны – см. ниже) на Ваганькове; занял в Кремле двор князя литовского Юрия Патрикеевича». Пребывая во власти татарских ханов, Великие князья Белой Руси могли мечтать о каменной застройке столицы. Белокаменный Св. Георгий над Фроловскими воротами Кремля ознаменовал прекращение выплаты дани татарским ханам и начало создания русской армии: «Первый шаг к тому - при несомненном влиянии второй жены Иоанна 111, Софьи Палеолог, в 1480 г. - ... спад татарского ига... Второй его брак с племянницей последнего византийского императора Софьей Фоминичной Палеолог, привел к мысли, что Софья, выйдя замуж за московского князя, сделала его преемником Византийских императоров ...Отсюда, между прочим, стремление иметь многочисленное и хорошо устроенное войско...» («История русской армии», М., 2007, с. 20)

Последнее утверждение требует уточнения, поскольку задолго до Софьи Палеолог в Москве оказалась Софья Витовтовна, дочь Витовта – Великого князя могущественной тогда Литвы: «...В 1390 г. произошло сближение Витовта с Москвою, - Великий князь Василий 1 женился на его дочери Софье... В руках Витовта был и идейный центр русской земли - Киев, чем

Витовт пользовался, проявляя заботы о православии... В 1395г. Витовт присоединил к Литве сравнительно слабый и территориально связанный с нею Смоленск, в 1395 – 96 гг. удачно боролся с татарами...» (см. «Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон»). «Стремление иметь...хорошо устроенное войско» проявилось первоначально не на символике московских князей, а на символике Витовта (известной белорусам как «Погоня»).

Литовско-белорусское изображение всадника с мечом со времен Витовта

Скульптурное изображение над захоронением Витовта, вероятно, Ермолин приблизил к образу Св. Георгия над Фроловскими воротами Кремля по требованию правнука Витовта, Великого князя Белой Руси Иоанна (Васильевича). До выполнения в камне этой скульптуры Ермолин должен был согласовать с заказчиком (Великим князем Иоанном) ее макетное изображение.

Не видевший Ермолинского макета в 1914г. Н.Н. Соболев, писал после осмотра скульптуры Георгия в Кремлевском храме Св. Михаила: «Несмотря на величину, достигающую четырех аршин по длине пола, видно стремление мастера сохранить близость к иконописному подлиннику, вероятно модели, в результате чего видны мелкие складки одежды, выемки-впадины

шлема и др. приемы иконописного мастерства... Раскраска белокаменной скульптуры под икону – в зеленый цвет Змей, лошадь - в белый, плащ – в ярко-красный, сапоги – в черный, панцырь – в бронзовый, копьё и корона = в золотые цвета». Выявленный нами макет Ермолинского Св. Георгия в Юрьев-Польском Историческом музее, к сожалению, утратил «зеленого» дракона, задние копыта «белой» лошади и «золотое» копьё – (фото 2).

Он близок (см. фото 1) белокаменной Ермолинской скульптуре, которую видел Соболев в Кремлевском храме Св. Михаила (утраченного в тридцатых годах 20-го в.). Демонтированные составляющие этой скульптуры оказались в подвальных помещениях Кремлевских храмов, но верхняя часть фигуры всадника (без рук) сегодня экспонируется в Третьяковской галерее (фото 3)

Сравнение экспонируемой части Св. Георгия с макетным замыслом Василия Ермолина убеждает в его стремлении создать над Фроловскими воротами Кремля более воинственный образ по сравнению с первоначальным замыслом (вероятно, по указанию Иоанна макетный образ Святого Георгия приблизился к «Погоне» времен Витовта - см. выше). Этот образ проявился уже в 13 в. на печатях Миндовга и Александра Невского, во времена которого Георгий всадник изображался с мечом и Георгий с лошадью, которую он ведет на поводу (в левой руке), а копьем (в правой руке) поражает лежащего Змия. И в сказании «Чудо Георгия о Змие» : «...Святой же мученик и чудотворец Георгий... извлек меч свой и отрубил голову лютому зверю». И на известной картине Рафаэля (Париж, Лувр, ок. 1507) Святой Георгий убивает Змия мечом.

Не случайно, задолго до появления в Москве Софьи Палеолог, на печатях Иоанна - Великого князя Белой Руси – (Московии) уже «сформировалось изображение всадника...» Но, к сожалению, «забыв» о Георгии Победоносце и о Ермолине, и о Иоанне - Великом князе Белой Руси с его печатями со Св. Георгием, историки невразумительно повествуют (пока?): «...К концу 15 века на государственных печатях окончательно сформировалось изображение Всадника, поражающего копьем Змея с одной стороны печати и двуглавого орла с другой.

В 17 веке эти изображения стали называть русским государственным Гербом». Но ведь москвичи 15 июня 1464 года видели над Фроловскими воротами Кремля не «Всадника,

поражающего копьем Змея», а меня – Святого Георгия!, созданного белорусом Ермолиным – вопиет в Третьяковской галерее фрагмент первого известного стал известен москвичам с 15 июня 1464 г. по Ермолинской скульптуре Св. Георгия над Фроловскими воротами и 15 июня 2014 г. этому изображению Герба Москвы образа Герба Москвы, которому (как и его макетному прообразу в Юрьев Польском Историческом музее) уже 550 лет отроду.